

Когда Гао Ту вернулся на рабочее место, кончики его пальцев всё ещё оставались ледяными.

Слова Шэнь Вэньлана о том, что он волен поступать как знает, подействовали подобно сквозняку: они разогнали тяжелую пелену тревоги, но оставили после себя лишь еще более пронизывающий холод.

Это означало, что Шэнь Вэньлан принял его заявление о возврате долга, и не более того. Отношения между ними не претерпели никаких глубинных изменений, они по-прежнему оставались разделены холодной пропастью под названием «начальник и подчиненный».

Гао Ту заставил себя сосредоточиться на мерцающих цифрах на экране, пытаясь с помощью изнурительной работы притупить хаос в мыслях и едва уловимое недомогание, поселившееся где-то в глубине тела.

Однако тяжкое обязательство по «поэтапному погашению» давило на сердце подобно огромному валуну. Он прикинул сумму медицинских расходов — это была цифра, которую при его нынешней зарплате невозможно было выплатить, даже если бы он работал без сна и отдыха долгие годы.

Ему требовалось трудиться еще усерднее, возможно, брать дополнительные подработки, ведь каждый цент теперь был на счету.

Огромное финансовое бремя, наложенное на беспокойство о болезни сестры и сложные, невыразимые чувства к Шэнь Вэньлану, сплелись в тугой узел, который перехватил ему дыхание.

Его охватило необъяснимое беспокойство и сердцебиение, а кожа на затылке под пластырем с ингибитором начала слегка гореть.

Неужели это от перенапряжения? Или... начали проявляться побочные эффекты от сильнодействующего ингибитора? А может, его организм ослаб из-за затяжных эмоциональных качелей последних дней?

Он машинально коснулся пластыря на шее, проверяя, плотно ли тот прилегает к железе, но почувствовал неестественный жар.

Сердце сжалось — подкралось дурное предчувствие. Он тут же достал из ящика стола стакан с водой и проглотил запасную таблетку ингибитора.

Он должен продержаться. По крайней мере, до тех пор, пока не выплатит долг, он ни в коем случае не должен выдать себя.

Гао Ту глубоко вздохнул, снова уставившись в монитор и с силой ударяя по клавишам, словно

этот механический стук мог подавить назревающее внутри волнение.

Однако есть вещи, которые невозможно полностью контролировать силой воли.

После обеда у Шэнь Вэньлана было запланировано важное видеосовещание — решающий этап переговоров с ключевым зарубежным партнером.

Гао Ту, как главный секретарь, должен был вести протокол и обеспечивать оперативную поддержку данными. Он вошел в конференц-зал за десять минут до начала, проверил оборудование, разложил документы, стараясь придать себе безупречный вид.

Шэнь Вэньлан вошел точно по расписанию. Он был в темно-сером костюме, сшитом на заказ, который делал его фигуру еще более статной, а ауру — подавляющей.

Его взгляд скользнул по готовому к работе Гао Ту, едва заметно задержался на его бледном лице, после чего он сел и кивком дал знак начать совещание.

Переговоры проходили в жестком ключе. Стороны никак не могли прийти к согласию по нескольким ключевым пунктам, атмосфера накалилась до предела.

Гао Ту слушал, не отвлекаясь ни на секунду, быстро записывая основные тезисы и по знаку Шэнь Вэньлана выводил на большой экран нужные графики и таблицы. Его профессионализм и эффективность оставались неизменными.

Но по мере того как время шло, Гао Ту становилось всё труднее. Замкнутое пространство переговорной, быстро сменяющиеся цифры на экране и, самое главное, феромоны Альфы, которые Шэнь Вэньлан невольно источал из-за концентрации и давления (хотя тот и пытался их сдерживать), — всё это действовало как невидимые иглы, раздражая его и без того расшатанные нервы.

На лбу выступил холодный пот, дыхание стало прерывистым.

Жжение на затылке усиливалось, переходя в слабую ноющую боль. Он до побелевших костяшек сжимал в руках стилус, пытаясь сохранить внешнее спокойствие.

В этот момент представитель другой стороны выдвинул крайне жесткое дополнительное условие.

Брови Шэнь Вэньлана сошлись к переносице, его аура мгновенно стала ледяной и давящей — это был его излюбленный прием, чтобы подавить оппонента.

Эта внезапно усилившаяся мощь феромонов высшего Альфы хлынула во все стороны, словно

ледяной поток.

Для обычного человека это могло показаться лишь возросшим психологическим давлением. Но для Гао Ту, чья психика была на пределе, а тело находилось в опасной критической точке, это стало подобно шторму!

— Угх... — из горла Гао Ту вырвался сдавленный стон, почти неразличимый для окружающих.

Он почувствовал, как на него наваливается сильное головокружение, перед глазами поплыло, а сердце, словно схваченное невидимой рукой, едва не остановилось.

Запах шалфея, который он так отчаянно пытался подавить, словно нашел лазейку: из-под края пластыря на его шее просочился тончайший, едва уловимый аромат!

Он был настолько слабым, что казался лишь галлюцинацией в тяжелом воздухе переговорной.

Но Шэнь Вэньлан уловил это мгновенно! Он прервал свою речь и резко повернул голову — его взгляд, острый, как у ястреба, вонзился в Гао Ту, сидящего на месте секретаря чуть позади!

Гао Ту сидел, опустив голову, вцепившись обеими руками в стол; плечи его мелко дрожали, лицо было пугающе бледным, а пряди волос на лбу прилипли от холодного пота. Такое состояние нельзя было объяснить одной лишь усталостью или напряжением!

Сердце Шэнь Вэньлана провалилось в бездну! Тот абсурдный сон, услышанные в больнице слова о «десятилетней безответной любви», странности в поведении Гао Ту и этот мимолетный, но в точности совпадающий с его сновидением запах шалфея...

Бесчисленные нити в одно мгновение сплелись воедино, указывая на возможность, о которой он раньше не смел даже думать, но которая сейчас стала предельно ясной!

Гао Ту... он вовсе не Бета!

Это осознание ударило его, как разряд молнии, вызвав небывалое потрясение и целый шквал невыразимых, бушующих эмоций.

Он был поражен тем, что Гао Ту удавалось десять лет скрываться у него под боком, не совершив ни единой ошибки, но еще больше его потрясла мысль... Гао Ту мог быть Омегой! Тем самым Омегой из его сна, от которого пахло шалфеем и который носил под сердцем его ребенка (если сон был вещим)!

Совещание продолжалось, представитель другой стороны недоуменно смотрел на внезапно замолчавшего Шэнь Вэньлана.

Шэнь Вэньлан силой воли подавил бушующий внутри ураган, сохраняя внешнее спокойствие, и быстро дал жесткий, точный ответ на условия оппонента, возвращая переговоры в нужное русло.

Однако его боковое зрение было приковано к Гао Ту. Он видел, как тот с трудом поднял голову, пытаясь сосредоточиться, но даже рука, державшая ручку, мелко дрожала.

Этот хрупкий, из последних сил сопротивляющийся образ вонзился в сердце Шэнь Вэньлана, словно шип.

Нахлынул мощный, невиданный прежде порыв — не отвращение, не гнев из-за обмана, а смесь тревоги, беспокойства и почти инстинктивного желания крепко взять этого человека под свой контроль!

Как только совещание закончилось и экран погас, Шэнь Вэньлан немедленно поднялся, подошел к Гао Ту и, не говоря ни слова, схватил его за запястье! Кожа под его пальцами была ледяной и продолжала дрожать.

— Идем со мной, — голос Шэнь Вэньлана звучал низко и напряженно, не терпящим возражений тоном приказа.

Не давая Гао Ту возможности сопротивляться, он потащил его за собой прямо к кабинету президента, под ошарашенными взглядами оставшихся в зале руководителей.

Гао Ту спотыкался, рука в хватке Шэнь Вэньлана болела так, словно кости вот-вот должны были хрустнуть.

В панике он поднял голову и встретился взглядом с бездонными глазами Шэнь Вэньлана, в которых сейчас бушевал непонятный, пугающий шторм. Сердце Гао Ту в одно мгновение ушло в пятки.

Он... он догадался?!

<http://bllate.org/book/19762/1946124>